

ОТЗЫВ
официального оппонента А.И. Кобзева
о диссертации Л.А. Горобца
«Своеобразии взаимодействия культур России и Китая в
Дальневосточном регионе»,
представленной к защите на соискание ученой степени
кандидата культурологии
по специальности 24.00.01 – теория и история культуры

Диссертация состоит из Введения, двух глав («Дальневосточная региональная культура: проблема своеобразия и методология исследования взаимодействия культур», «Сферы культурного взаимодействия в дальневосточном регионе»), включающих в себя по два параграфа (гл. 1: «Факторы своеобразия дальневосточной региональной культуры», «Проблема культурной совместимости (на примере взаимодействия терапевтических практик России и Китая)»; гл. 2: «Взаимодействие культур России и Китая в художественной сфере», «Гуманитарное сотрудничество в дальневосточной региональной культуре: история и перспективы»), Заключения и Списка литературы. Текст изложен на 142 страницах, завершающий ее Список литературы (с. 118-142) насчитывает 227 наименований.

В настоящее время нет нужды обосновывать актуальность любого синологического исследования, поскольку с каждым днем возрастает как глобальная роль Китая, так и его значение для России в качестве стратегического партнера и главного соседа. Особым достоинством работы является смелое обращение к весьма сложной – культурологической и компаративистской проблематике. Для ее адекватного анализа необходимо не только глубокое знание отечественной культуры, но и кардинально отличающейся от нее китайской. Объективный научный подход к их взаимодействию в Дальневосточном регионе затрудняет собственная специфика и яркая политическая окрашенность протекающих там процессов. Кроме того, взятая на себя автором задача предполагает достаточно высокий уровень обобщения, а следовательно, искусное владение многосложным и еще вполне не устоявшимся теоретическим аппаратом культурологии. Сразу надо признать, что с основными поставленными в диссертации проблемами Л.А.

Горобец успешно справился. Выполненная им культурологическая работа сама отличается высоким культурным уровнем, стройностью архитектоники и ясностью изложения.

Поэтому, не пересказывая ее содержания, имеет смысл сразу перейти к некоторым недоделкам и спорным моментам. К их числу относится недостаточная проработка понятийного аппарата. С одной стороны, автор совершенно справедливо разделил понятия «региональная культура» и «культура региона» (с. 17-18), с другой – не распространил подобную дистинкцию на аналогичные пары понятий: «культура России» и «русская культура», «культура Китая» и «китайская культура», используя эти парные словосочетания как синонимы. В итоге эксплицитно поставленная задача исследования специфики взаимодействия русской и китайской культур в региональной культуре Дальнего Востока имплицитно трансформирована в описание взаимодействия там культур России и Китая. Также не разделены понятия «культура» и «цивилизация», что характерно для англоязычной и французской научных традиций, но не для немецкой и русской. Не отличается ясностью и отождествление автором «Запада» с «западноевропейским миром» (с. 4), поскольку при данном подходе требуется определить понятие «Восток» и обосновать отказ от двоичного понимания оппозиции Восток – Запад в пользу троичного с трактовкой России в виде некоторого центра мира, не принадлежащего ни Западу, ни Востоку.

Главным понятийным достижением диссертации является введение понятия «культурный экотон», в силу исходного значения самого термина «экотон» предполагающего не только взаимообогащение граничащих культур, но и конфликтное напряжение между ними. Однако в работе практически отсутствует данный критический аспект и в смысле какой-либо реакции на теорию «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон вообще не упоминается), и в смысле анализа расовых предрассудков массового сознания или традиционных страхов перед «желтой опасностью».

Впечатление слишком благостной картины, лакирующей действительность, усиливает избыточное перечисление разного рода официальных мероприятий по культурному обмену между Российской федерацией и КНР. Здесь также не проведена четкая граница между спонтанными процессами, которые сам автор связывает с «эффектом эмерджентности, появлением неожиданных новообразований» (с. 19), и плановыми мероприятиями государственных органов со вполне предсказуемыми результатами в основном в виде отчетных «галочек». «Неожиданным новообразованием» выглядит только упомянутый диссертантом факт, что «договор о сотрудничестве 1991 г. между Хэйлунцзянской провинциальной библиотекой и Хабаровской краевой

универсальной научной библиотекой предусматривал создание на базе последней «деревоперерабатывающего участка» (с. 27).

Конечно, простое описание всего спектра культурных контактов между Россией и КНР в Дальневосточном регионе тоже имеет свою ценность. Однако более подробное рассмотрение диссертантом наиболее знакомой ему как врачу сферы взаимодействия двух терапевтических традиций обнаружило их реальную несовместимость, чему он дал, увы, слишком легковесное объяснение: «Во многом именно недостаточная культурная компетентность приводит к формальному использованию приемов китайской традиционной медицины в России» (с. 58). Этот тезис сам же диссертант как компетентный исследователь даосизма опровергает верными утверждениями, что в китайской традиционной медицине «составление рецепта требует глубокого знания китайских натурфилософских систем» и «традиционные методы терапевтического воздействия тесно связаны с религиозными практиками Китая, в частности с даосскими методами пестования жизни» (с. 57). Фундаментальная связь с оригинальной философской теорией и особой религиозной практикой определяет принципиальные отличия китайской традиционной медицины от западной. Именно они, а не просто «недостаточная культурная компетентность» в действительности и приводят к малоэффективному «формальному использованию приемов китайской традиционной медицины в России».

Кстати, это было полномасштабно, и на практике, и в теории, показано первым профессиональным российским врачом, который стал исследовать теоретико-методологические (ицинистские и нумерологические) основы китайской медицины, - А.И. Фалевым (1953–2005). Он проживал в Сочи, преподавал в Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко, активно практиковал и популяризировал чжэнь-цзю терапию, изучал китайский язык, прошел стажировку в КНР и с конца 1980-х годов начал печатать статьи по этой теме в научных сборниках, прежде всего конференции «Общество и государство в Китае» (1987–1993), затем защитил кандидатскую диссертацию, основал школу «медицины Перемен», опубликовал монографии «Классическая методология традиционной китайской чжэнь-цзю терапии: Иглоукалывание и прижигание» (М., 1991) и «Древние тайны чжэнь-цзю терапии. Т. 1. Меридиан легких» (М., 1996), составил капитальный коллективный труд «Классическая китайская чжэнь-цзю терапия» (М., 1999) и в качестве главного редактора успел издать три альманаха-ежегодника «Вопросы альтернативной медицины» (Сочи, 2003–2005). Слабый огонь в этом некогда ярко пылавшем в южной столице России экзотическом очаге культурного взаимодействия поддерживает ученик А.И. Фалева воронежский врач Т.П.

Чиби́сов. Думается, что для диссертанта было бы полезно знакомство с результатами этой многолетней и плодотворной деятельности.

Видимо, ощущая сомнительность собственного утверждения об освоении китайской медицины, А.Л. Горобец сопроводил его самым общим культурологическим аргументом: «Сравнительный анализ двустороннего взаимодействия с учетом отношения к западной цивилизации способствовал выявлению близости ментальных структур наших народов, сходству (так в тексте, правильно: сходства. – А.К.) в отношении к окружающему миру и соответствующих моделей поведения» (с. 58). К сожалению, он не выдерживает никакой серьезной критики. Очень странно читать подобное о народах, принадлежащих к разным расам, говорящих на языках совершенно разных языковых семей, использующих противоположные типы письменности и формировавшихся в принципиально различных культурно-исторических условиях существенно разное по длительности время. Китайцы суть натуральные антиподы всех индоевропейцев, включая русских. Из последних публикаций об этом см., например: *Кобзев А.И.* Глобальная культурная альтернатива: Китай - Запад // *Философские науки.* 2015, № 1, с. 36-57. В качестве позитива стоит отметить, что, распространяя на искусство свой ложный тезис о «глубинном созвучии ментальных структур» русской и китайской культур, Л.А. Горобец все-таки разумно оговаривается об их «разных эстетических парадигмах» (с. 77). Понятно, что созвучие «разных парадигм» может быть только контрастным, т.е. в лучшем случае – контрапунктом, в худшем – диссонансом.

Бесспорен, однако, вывод, сделанный диссертантом из всего этого построения: «Региональная культура Дальнего Востока, развивающаяся на границе двух цивилизаций, играет уникальную роль для выработки эффективных форм сотрудничества между Россией и Китаем, создания общего языка двустороннего диалога и как следствие – появление нового в различных сферах общественного бытия» (с. 58). Увы, он представляет собою не более чем благое пожелание. Указанная возможность на дальневосточных рубежах России, несомненно, имеется, но как ее эффективно реализовать – большой вопрос. Например, приведенное в диссертации среди других оптимистических данных сообщение: «В 1990 г. отделение китаеведения восточного факультета ДВГУ г. Владивостока, старейшего синологического центра на Дальнем Востоке России, трансформировалось в факультет» (с. 80), - к сожалению, устарело. В ходе весьма неблагоприятных для синологии реформ, превративших ДВГУ в ДВФУ, факультет сократился до кафедры китаеведения. Самый крупный для развития китаистики на нашем Дальнем Востоке проект — строительство нового университета (ДВФУ) обернулось очередным разрушением. Из центра города с историческими памятниками

надо выводить вредные предприятия, а не студентов, для которых очень важна культурная атмосфера и, в частности, физическая близость к Китайской улице или музеям с тырскими стелами и другими китайскими артефактами. Слияние разных вузов — это всегда чреватое конфликтами соединение разнородных кадров и обременительное переселение. Как известно, переселение равно половине пожара. На диком берегу малоосвоенного острова Русского, вдали от хрупкого очага цивилизации, эффективной работы в ближайшие годы ожидать не приходится, поскольку педагоги должны обживаться на новом месте и находить общий язык с новыми сотрудниками. Такова ситуация в зоне наибольшего благоприятствования, что уж говорить о забытых богом и начальством местах, где профессиональная синология съезживается как шагреновая кожа, а рост стихийных контактов с китайцами рождает лишь хорошо забытое старое.

Стариной веет и от главной посылки диссертанта, на которой основан его тезис о «ментальной близости» русских и китайцев, – общей «инаковости» по отношению к Западу. На сходной основе: «русский с китайцем – братья навек» строились взаимоотношения коммунистических монстров СССР и КНР в 1950-е годы. Однако суровая практика, вплоть до вооруженных конфликтов, ярко иллюстрирующих «экотонную напряженность» на границе, в 1960-е годы и серьезные теоретические изыскания в 1970-1980-е годы показали полную иллюзорность подобной близости, обусловленной идеологической ангажированностью в «дружбе против» Запада.

В диссертации к «существенным качествам культур», сближающим Россию с Китаем, отнесены также: 1) принадлежность к «обществам с высокой дистанцией власти и развитыми традициями коллективизма», 2) «значительный ассимиляционный опыт» по «интеграции культур многочисленных народов, вступавших с ними во взаимодействие» (с. 36). За этими описаниями стоит действительно общая для России и Китая историко-политическая реальность – монархическая, а затем авторитарная и тоталитарная формы правления. Проблема состоит только в том, что, во-первых, не является очевидной, а требует доказательства именно культурная детерминированность этих форм власти, во-вторых, их слишком общий – общечеловеческий характер, т.е. принадлежность практически всем культурам на определенном этапе развития, лишает возможности специфицировать ту или иную культуру.

Опять-таки, видимо, чувствуя расхождение между своей теорией и практикой, диссертант привел «мнение о различии в поведении русских и китайцев в инокультурной среде» и, не опровергая его, напротив, подтвердил фактом: «Во многом уникальный полувековой опыт русской колонизации Маньчжурии наглядно продемонстрировал

устойчивость цивилизационной границы и отсутствие культурной ассимиляции между русскими и китайцами в заметных масштабах» (с. 36).

Радужное заявление об «уникальной роли» региональной культуры Дальнего Востока подкреплено не только здравым смыслом, но и одним из основных положений диссертации, вынесенным на защиту, а именно: она (эта пограничная культура), с одной стороны, отличается «маргинальностью» как удаленная от центра «материнской культуры», а с другой – «большим разнообразием» по сравнению не только со своей «материнской культурой», но и с заграничной (с. 11, 19-21). Конечно, ссылка на «диалектичность» этой ситуации (с. 20) может считаться снимающей противоречие, но приведенные диссертантом факты скорее говорят в пользу обычного понимания маргинальности как меньшего разнообразия по сравнению центром. К примеру, он сообщает: «дорога из г. Благовещенска Амурской области в столицу КНР г. Пекин железнодорожным транспортом составляет около 2-х суток, а в Москву – более 6. С учетом сложной экономической ситуации посещение и работа в культурных центрах Китая для дальневосточников более доступна, чем выезд в европейскую часть России. В настоящий момент далеко не каждый работник бюджетной сферы имеет возможность показать своему ребенку столицу нашей Родины, чего не скажешь о столице сопредельного государства. Согласно социологическим исследованиям только ¼ жителей региона считает необходимым первоочередное развитие связей с европейской Россией, вдвое больше - с Японией и Китаем» (с. 20). Подобная маргинализация граничит с безусловно снижающим всякое разнообразие сепаратизмом.

Кроме того, хорошо известно, что наиболее массовым и разнообразным китайское присутствие в России в 1990-е и начале 2000-х годов было в самом центре, т.е. в Москве. Однако и оно не привело к появлению какого-либо чайна-тауна, а завершилось катастрофой с Черкизоном и угасанием всех китаистических журналов, что никак не компенсировало недавнее открытие Китайского культурного центра. Даже в самых тепличных условиях столицы, при высочайшей административной и материальной поддержке до сих пор не удается «создать общий язык двустороннего диалога» и «новое в различных сферах общественного бытия», что уж говорить о провинциальной, хотя и приграничной среде. Подобный синтез ныне запечатлен лишь в беллетристических утопиях Владимира Сорокина и Хольма ван Зайчика, а его реальное воплощение можно было наблюдать жизни российской диаспоры в Китайской республике, особенно в Маньчжурии, но она канула в Лету от нее сохранились лишь реликтовые следы (см., например: *Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008, 576 с.; он же.*

Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай, 2010, 158 с.; *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011, 204 с.; *Курто О.И.* Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. М., 2013, 375 с.; *Черникова Л.П.* «Русский Китай» от Второй мировой войны до наших дней. Уфа, 2009, 358 с.; *Калиберова Т.Н., Поздняев Д.А., Хисамутдинов А.А., Черникова Л.П.* Русские в Китае. Исторический обзор. Шанхай-Москва, 2010, 572 с.).

К сожалению, Л.А. Горобец по данной тематике учел лишь старую книгу Г.В. Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая» (М., 1991, 317 с.), пропустив не только указанные, но и все последние публикации. Его Список литературы не выходит за пределы 2010 г., из-за чего вне поля зрения оказалась, например, серьезные коллективные труды: под редакцией А.В. Лукина «Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений» (М., 2013, 704 с.) и Н.Л. Мамаевой «Основные направления и проблемы российского китаеведения» (М., 2014, 382 с.). Но и в этих хронологических границах Список не полон. Он целиком русскоязычный, хотя следовало бы узнать и взгляды иностранных авторов, прежде всего китайских, излагаемые «для внутреннего пользования».

Из отечественной литературы упущены монографии: *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимоотношений. М., 2004; *Гончаров С.Н.* Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века. М., 2013; *Ощепков В.П.* Россия и Китай в зеркале региональной политики. М., 1998; *Рахманин О.Б.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М., 2002; *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. М., 2005; *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края. Омск, 1999; *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003; *Титаренко М.Л.* геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Чжоу Цзяньин.* Эволюция взаимоотношений между Китаем и Россией в 2001-2006 гг. Владивосток, 2010, - крупная обобщающая работа московского филолога, историка и политолога А.Г. Ларина «Китайские мигранты в России. История и современность» (М., 2009, 512 с.), а его предшествующая небольшая книжка «Китайцы в России» (М., 2000, 124 с.) ошибочно приписана владивостокскому историку В.Л. Ларину (с. 130), которому в свою очередь принадлежат две не названные монографии: «Китай и

Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия» (Владивосток, 1998) и «В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков» (Владивосток, 2006).

Отсюда следует, что Список литературы не представляет собою сколь-либо исчерпывающую библиографию вопроса, хотя в автореферате он назван библиографией (с. 10). Содержит ли он только использованную литературу – неясно.

Вообще несколько смущает совершенное отсутствие в диссертации о китайской культуре иероглифов, которые с точки зрения самих китайцев тождественны их культуре, о чем ярко свидетельствует семантика иероглифа *вэнь* 文, совмещающая понятия «культура» и «иероглифика». Это ли не самое сильное опровержение чрезмерного оптимизма автора относительно русско-китайского культурного взаимодействия?

Из мелких недостатков можно отметить неточности в транскрипции китайских слов: *сяньсюе* вместо *сяньсюэ*, *яниэнь* вместо *яниэн* (с. 38), *ней-цзин* вместо *нэй-цзин* (с. 40), *чжан* вместо *цзан* (с. 48), *шан-шуи* вместо *шань-шуй* (с. 67, правильно на с. 71), *чао* вместо *цяо* (с. 85), *юе тин* вместо *юэ бин* (с. 109), Гуаньинь вместо Гуаньинь (с. 62), Чаньчун вместо Чанчунь (с. 92), Ляодунь вместо Ляодун (с. 97), Далян вместо Далянь (с. 98), Тя Сяочень вместо Цзя Сяочэнь, Мао Вынин вместо Мао Вэйнин, Чжан Гуанбей вместо Чжан Гуанбэй (с. 101), Ли Хунчжи вместо Ли Хунчжи (с. 105); отклонения от стандартного написания китайских имен: Го Гуй Мин вместо Го Гуймин (с. 73), Ши Юнь Сяо вместо Ши Юньсяо (с. 87), Ли Го Фу вместо Ли Гофу (с. 92); ошибки в датах и фактах: на с. 75 осада Албазина отнесена к 1865 г. вместо 1685, что, видимо, является опечаткой, как и написание слова «эликсир» через «е» («элексир», с. 38); на с. 105 Институт востоковедения РАН назван Московским институтом востоковедения РАН, а Ю.М. Галенович – профессором института Дальнего Востока РАН, хотя он является научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН и профессором. Некорректно положение о «диффузии культуры Срединного государства на территорию Дальнего Востока России», подразумевающее «влияние Китая» (с. 110), так как «диффузия» означает взаимное, а не одностороннее проникновение.

Странно выглядит неведомо на чем основанное заявление, будто «китайское самосознание относит себя к элементу – земля, поэтому самоназвание Китая – Срединное государство, а желтый – родовой цвет нации. Традиция подсказывает и осмысление собственной мировой роли как гармонизирующей. В соответствии с концепцией у-син Россия относится к элементу – дерево» (с. 52). В стандартной пространственной ориентации элемент/стихия земля (точнее – почва - *ту*) маркирует центр, дерево (*му*) –

восток, а металл (*цзинь*) – запад, следовательно, Россия, расположенная на западе, а не на востоке от Срединного государства, соотносима с металлом, а не деревом. Поскольку диссертант присоединился к «мнению, что эти представления сохраняют свою актуальность и их необходимо учитывать в культурном диалоге и практическом взаимодействии между нашими государствами», но не раскрыл смысл идентификации России с одним из элементов системы *у-син*, добавим, что, согласно отмеченным представлениям, почва «рождает» металл, а дерево ее «преодолевает», т.е. описанное Л.А. Горобцом перевернутое соотношение вредно для Китая в отличие от правильного – благоприятного для взаимодействия двух стран.

Указанные недостатки не умаляют проделанной диссертантом большой работы по изучению взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе.

Автореферат соответствует тексту диссертации.

Диссертация Горобца Л.А. «Своеобразие взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе» представляет собою законченную и самостоятельную научно-исследовательскую работу, в целом соответствующую требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени кандидата культурологии, а ее автор заслуживает присвоения искомой научной степени по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

**Доктор философских наук, профессор,
ФГБУН Институт востоковедения РАН
зав. отделом Китая и сектором идеологии
и культуры Китая отдела Китая**

11

/ Кобзев Артем Игоревич/

107 031, Москва, ул. Рождественка, 12.

02.09.2015 г.

Кобзев А.И.
Зав.отделом

